

Яма

Мы попали в демографическую яму

В. Путин

* * *

Демографическая яма –
Таков итог благих реформ.
Разинув пасть, она упрямо
Глодает корм,
Телесный корм.
И бомж с затасканной котомкой
Стоит у ямы на краю
И обречённо, тонко-тонко
Глаголет – здесь я, здесь стою.
Вокруг бурьян, и эта яма,
Благих намерений итог,
И тихий стон усопшей мамы:
И ты попал сюда, сынок.
Шумит бурьян.
Поникли травы.
Плывут над ямой облака.
И с постамента вождь картавый
Глядит на нас через века.

Гегемон

Из грязи в князи!

Этакий кураж

На фоне наших запредельных краж.

А тут тебе и замки, и дворцы,

Что возвели когда-то праотцы.

Колонны, капители – красота.

Затейливость карнизов – лепота!

И в эту красоту и лепоту

Сермяжную вписали простоту.

Из грязи в князи!

Благодетель!

Власть!

Повяжет галстук и не будет красть.

И скажет мир в наивной простоте,

Что Русь не та и мы уже не те.

* * *

Не рвались, нет, наследники в цари.

Своей приватной жизнью дорожили.

Вериги власти, что ни говори,

Лишь недоумкам головы кружили.

Они в чужой глядели огород,

Мол, там ватрушки сами лезут в рот.

А ведь держава – не село, не двор,

Где всё как на ладони, всё известно.

И если в доме появился вор,

То каждый знает – это свой же, местный.

А здесь, на царстве, вороватых тьма.

Разинешь рот – и сразу сядешь в лужу.

Растащат и казну, и закрома.

А на словах – России вроде служат.

Одни высокопарные слова.
О Русь моя!
Страна рабов и выжиг.
Очнись, опомнись.
Твой кормилец выжил.
Так засучи повыше рукава.

* * *

У нас таблица Менделеева,
У нас учёные умы,
Так почему же стали злее мы
И худосочней стали мы?
И нам советуют политики
Питаться ягодой с полян.
А наши бедные родители
Вещают нам из братских ям,
Что даже там живут общиной,
Живут единою семьёй.
Но заросли поля лещиной,
Густой не кошеной травой.
И солнце то же над аллеями.
И звёзды светят по уму.
Так почему же стали злее мы
И равнодушной ко всему?

Воробей на царстве

Выдвинут на царство воробей.
Мелкий, но такой амбициозный.
Пыжится, блефует – хоть убей.
Хочет быть осанистым и грозным.
Каждый день чирикает с утра.
Надувает щёки и ершится.

Петухи, хозяйева двора,
Приумолкли – не мешают птице.
А в лесу такие чудеса!
Там считает годы всем кукушка.
Запускают трели в небеса
Соловьи, летая на опушке.
Там резвятся белки на ветвях.
Бурундук застыл на задних лапках.
Отбивает дятел краковяк.
А медведь задумался над папкой.
Воробью туда же бы – туда!
Стать своим, чирикаая, летая.
Не зовут – живут, как господа,
И своих царей не почитают.

* * *

Как таинство, невидим и неслышим,
От наших глаз ты, Господи, сокрыт.
Яви свой лик
И глас низвергни свыше
На суетный, на меркантильный быт.
И грянул глас.
И молния, как росчерк,
Легла на голубое полотно –
Автографа доподлинней и бросче
Не начертать.
Не пробуй, не дано.
И вихря столб запеленал берёзу
В тугую шелковистую листву.
И крупные, горошинами, слёзы
Упали на лицо и на траву.

И понял я, что Бог материален,
Что осязаем, первороден Бог.
Как этот купол голубой реален
И, словно вечность, истинно глубок.
И пал я ниц в смиренье перед Богом.
И душу сокровенную открыл.
И в тот же миг, ничтожный и убогий,
Я ощутил касанье его крыл.

Звездопад

Шумит и стонет лес осенний,
И всё попряталось в лесу.
И даже тучи, что висели,
Упали ливнем на росу.
О чём шумит, о чём он стонет,
О чём глаголет русский лес?
Людская жизнь гроша не стоит,
И звёзды падают с небес.
Не апокалипсис ли это?
Не упрежденье ли земле?
Да и всему людскому свету,
И мне, беспечному, и мне.
Как это звёздное паденье
Волнует душу и томит.
Всё гуще, гуще в мире тени.
А он о райской жизни мнит.

* * *

От нэпманов не деться никуда.
Как только грянет на Руси беда,
Так сразу – НЭП.
На нэпманов гляжу я:

Да это же вчерашние буржуи,
Давным-давно известные стране
И школьнику вчерашнему, и мне.
А демагоги водят нас по кругу.
Небесный рай сулят нам на земле,
Завидуя и богу, и друг другу,
И даже обездоленному мне.
А я в раю небесном даже не был
И радуюсь ромашкам на лугу,
Берёзам, устремлённым к солнцу, к небу,
И воробьям, присевшим на стогу.

* * *

Замерли кроны деревьев.
Не шелохнётся листва.
Чем-то возвышенным, древним
Дышит с небес синева.
Мир и покой на планете.
И воробей, не спеша,
Пёрышки чистит.
И этим
Сладко томится душа.

* * *

Изнемогает плоть, изнемогает
От страсти, от желанья, от любви.
И женщина прекрасная, нагая
Исходит от желания в крови.
И это выше всякого рассудка,
Приличия, расчёта – только страсть.
Веленье плоти страждущей – не шутка.

Оно свою навязывает власть,
Чтоб гимном жизни,
Гимном обновленья
Стал этот страстный, безрассудный миг.
Ведь в нём само земное назначенье,
Где грех любви оправдан и велик.

* * *

Голуби по снегу босиком!
Как не обмораживают лапки?
В хату бы крестьянскую бегом,
Примоститься где-нибудь на лавке.
Были голубятни, чердаки,
Где в кормушки засыпали просо.
Небоскрёбы строят чуваки.
Позабыли о земле, о росах.
Ведь не век же тянется зима.
Будут и цветы, и гомон птичий.
Посходили, видимо, с ума.
Позабыли дедовский обычай
Запускать крылатых в небеса,
Любоваться красотой полёта,
Не жалеть ни проса, ни овса...
Впрочем, вышел из подъезда кто-то.
Девочка торопится с кульком
И горстями рассыпает просо.
Голуби за нею босиком.
Есть еда, и, значит, нет вопроса.

Взял мужик гитару и поёт.
Он певец, а не изгой какой-то.
Оседлал подземный переход –
Тут ему и сухо, и спокойно.
Капают монеты и звенят.
Шапка наполняется до края.
Русские романсы так томят,
Что слезу прохожий вытирает.
А струна гитарная звенит.
А струна гитарная рыдает.
Мыслями уносишься в зенит,
Где святые души обитают.
И никто не требует билет.
Ни вахтёра, ни элитной ложи.
Оперы доступней в мире нет.
Это знает меломан-прохожий.
Так не стой с протянутой рукой,
А служи высокому искусству.
Пой от сердца,
Задушевно пой,
Пробуждай заглохнувшие чувства.

Супермен

Да, джинсы рваные – коленки голые.
Но я продвинутый!
Я супермен!
Иду вальяжно я, иду по городу,
К такой же джинсовой моей Кармен.
Эх, мама-мамочка, ты пашешь в офисе.
И с ноутбуками давно на ТЫ.
Всегда на стрёме ты, всегда ты в тонусе.

А джинсы рваные – мои понты.
Порвал для форса их – за ради вызова.
И что мне офис твой и ноутбук?
Чтоб я сидел, цифирь вылизывал?
Спасибо, мамочка – я не главбух.
А мне Канары бы и яхту белую.
А мне компашку бы из мастеров.
Я фирму клёвую с маргухой сделаю
И обрету в Париже кров.

Муравейник

Страна мешочников извечных,
Привычных сумок, рюкзаков.
А где же древний дед запечный?
Ни печек нет,
Ни стариков.
Идут и едут сумки, сумки.
Идут и едут рюкзаки.
А нам приклеивают рюмки,
Мол, пьём и чешем языки.
Столпотворенье на дорогах.
И всё торопится, спешит.
И даже дед с клюкой убогой,
Увы, на печке не лежит.
Коляску тянет, суетится.
Куда? На рынок? На торги?..
Гляжу с тоской на эти лица,
На эти сумки, рюкзаки –
Разворошённый муравейник.
Не жизнь – Гоморра и Содом.
И вспомнишь рюмку.
Друг, налей мне
За развороченный наш дом.